

Сы Сяонань застонал. Веки чуть приоткрылись, но перед глазами всё плыло, и разобрать хоть что-то было невозможно.

— Ты его вколол? — Ромюэль повторял вопрос на китайском и английском, снова и снова, заставляя его смотреть на себя. — Ты вколол себе антители?

Антители...

Ультимативное антители...

Сы Сяонань тяжело дышал, словно тонул в пучине океана. Бескрайняя толща воды отрезала все звуки, проникая в тело через глаза, уши, рот, нос, через каждую пору, сдавливая внутренности в один плотный ком.

— Антитела нет, — услышал он чей-то скорбный женский голос.

В бреду он стал совсем крошечным. Двенадцать апостолов взирали на него с расписных витражей собора, и, чтобы разглядеть белое резное распятие, устремленное в небеса, ему приходилось запрокидывать голову до боли в шее.

Женщина в черной вуали, сжимая его ладонь, стояла перед гробом из темной сосны.

Священник спросил:

— Вы приняли решение, госпожа?

— Я вырвала его из ада, но не смогла вернуть в мир живых. Он не жив, но и не мертв. Он бродит по моей лаборатории изо дня в день, из осени в зиму, и лишь его одинокие, полные обиды всхлипы нарушают тишину...

Слезы катились по ее нежным щекам, смачивая белые цветы на груди.

— Ящик Пандоры открыт. Бедствия, эпидемии, вирусы и муки с хохотом вырвались наружу. К зиме они накроют землю, а к весне — погубят весь мир.

— Я бессильна. Нет в мире лекарства, способного это остановить. Я должна сама закрыть этот ящик...

Женщина шагнула вперед, взяла у священника черный деревянный ларец, открыла его, вынула ампулу с изумрудно-зеленой жидкостью, толщиной в два пальца, и положила на крышку гроба. Затем она вырвала из стены пылающий факел.

Маленький Сы Сяонань в страхе отпрянул.

В отсветах огня зеленая ампула поблескивала, точно клык ядовитой змеи, — одновременно завораживающе и смертоносно.

— ...Предать огню наказание, которое настигло человечество за кражу Искры у богов...

Двери с грохотом распахнулись. Женщина в изумлении обернулась. Пули разрезали воздух, выбив факел из ее руки.

В собор ворвались солдаты. Плач и брань заглушили всё. Сы Сяонаня, подхваченного толпой бегущих, сбили с ног. Солдаты, свирепые, словно звери, набросились на женщину и вырвали у

нее ампулу.

— Докладываю, докладываю! Вирусный концентрат успешно изъят...

— Бегите! — пронзительный вопль женщины прорезал хаос. — Бегите!

Дальше всё в памяти перепуталось, превратилось в череду причудливых и пугающих картин.

Сы Сяонань помнил только, как дрожала земля — хотя на самом деле это он сам, спотыкаясь, пятился назад. Последнее, что он видел, прежде чем сознание угасло, — солдат, открывающий криоконтейнер, и пар, в котором тот осторожно опускает туда ту самую зеленую ампулу.

Казалось бы, незначительная деталь, но спустя столько лет она врезалась в память с пугающей четкостью, ярким пятном на потускневших воспоминаниях.

На крышке контейнера был отлит барельеф: замершая в полете бесстрастная птица — Белый орел.

.

Под потолком лаборатории в металле был выгравирован тот же Белый орел.

Последняя капля изумрудной жидкости из шприца ушла в позвоночник. После нескольких минут тишины, на глазах у всех, труп начал дергаться, и из глубины его груди вырвался неясный, утробный хрип.

Раздались аплодисменты. Исследователи поздравляли друг друга, обнимались, как вдруг зал огласил крик: мертвец, шатаясь, перевернулся, вцепился в ближайшего исследователя и впился зубами ему в лодыжку!

Крики, борьба, брызги крови, а затем — топот убегающих ног.

Сы Сяонань стоял за стеклянной перегородкой под потолком лаборатории, глядя сверху вниз, как люди бьются в запертые двери, вызывая о помощи. Зомби, бросив недоеденный труп, полз по полу, волоча за собой след черной крови.

Сы Сяонань поднял пистолет, но медлил. Пока в стекле не отразился вошедший позади него человек:

— Ноа.

Сы Сяонань нажал на спуск.

Короткий хлопок, и голова зомби, находившегося в паре шагов от перепуганной толпы, разлетелась кровавыми ошметками.

— Что ты делал? — холодно спросил вошедший.

Сы Сяонань не ответил. Бросил пустой пистолет, одернул рукава и направился к выходу.

Но в тот миг, когда они поравнялись, Ромюэль схватил его за воротник и с силой впечатал в стеклянную стену, в упор глядя в холодные глаза:

— Ты мог уничтожить его сразу, как только эксперимент провалился. Почему медлил?

Сы Сяонань молчал.

— Ты хотел видеть, как того исследователя сожрут заживо, потому что в детстве он тебя пытал, — тихо произронил Ромюэль. — Так ведь?

Они долго смотрели друг на друга, пока уголок губ Сы Сяонаня не дрогнул.

У него были очень бледные губы. Незнакомец мог бы принять эту улыбку за красивую, даже немного мягкую.

— Вы снова порвали мой отчет с требованием уничтожить вирус и прекратить эксперименты, верно?

Брови Ромюэля дернулись.

— Ничего страшного, — Сы Сяонань прервал его еще не озвученное оправдание. Его голос, с привычной легкой хрипотцой, звучал даже приятно, несмотря на насмешливый тон. — В любом случае, это в последний раз.

Сы Сяонань высвободился из захвата и пошел к дверям. Ромюэль, глядя ему вслед, крикнул:

— Сколько раз повторять, Ноа! Вирус «Пандора» — это прорыв в продлении жизни и воскрешении из мертвых. Больше не будет никаких богов, человечество само обретет вечность!

Сы Сяонань даже не обернулся.

— Твоя мать провалила эксперимент, потому что не разгадала последний шифр вируса. В нем и кроется секрет бессмертия. Это как последняя вещь в ящике Пандоры — Надежда. Сейчас самое время подарить ее человечеству. Если мы продолжим, последний шифр...

— Нет никакой надежды, — равнодушно бросил Сы Сяонань. — Это не она.

Ромюэль скрестил руки на груди и нахмурился, когда Сы Сяонань слегка обернулся.

В этом ракурсе он был так похож на мать — в его облике сквозило что-то трудноописуемое словами.

— Последнее, что осталось в ящике — это призрачные иллюзии. В мифах именно они вымостили дорогу в ад, где властвует Эреб.

— Всё, что вы делаете сегодня — лишь новое открытие ящика. Последний шифр вируса погубит человечество и утянет весь мир в преисподнюю...

— Впрочем, какое мне до этого дело? — Сы Сяонань помолчал и внезапно улыбнулся:

— В конце концов, я всё равно не умру.

Ромюэль застыл на месте, глядя, как он уверенно выходит из зала.

.

Молния разрезала черные тучи, хлынул ливень. Раскисшие надгробья на кладбище пропитались водой, приобретя болезненный серо-черный оттенок.

С гулом опустился вертолет. Несколько человек в штатском, китайцы, с фонариками в руках спрыгнули в липкую грязь. Сы Сяонань не обернулся. Он стоял перед надгробием, целуя латунный кулон на груди и шепча неведомые молитвы, не обращая внимания на то, как вода струями стекает с краев его капюшона.

Свет фонариков приближался. Слышны были осторожные, напряженные шаги под шум дождя. Наконец один из них кашлянул и прохрипел по-китайски:

— Господин.

Сы Сяонань остался неподвижен.

Человек осторожно продолжил:

— ...Старый Го передал нам кое-что для вас, согласно договоренности.

Он подошел, разбрызгивая грязь, и протянул букет промокших белых роз.

Сы Сяонань прекратил молитву, некоторое время молча стоял под взглядами присутствующих, затем вытянул из букета одну розу и склонился, чтобы положить ее у надгробия.

Этот условный жест позволил всем выдохнуть. Человек, с трудом скрывая волнение, произнес:

— Мы очень долго пытались выйти на контакт, никак не удавалось встретиться. Старый Го завершил все приготовления. Человек на Базе «Белый орел», отвечающий за изолятор, тоже готов...

Сы Сяонань заговорил, и, к удивлению прибывших, его китайский был даже свободнее, чем они ожидали:

— А связной?

Человек замялся:

— Доверенное лицо Старого Го.

Сы Сяонань покачал головой.

Никто не понял, что это значило. На кладбище воцарилась тишина, слышен был лишь всепоглощающий шум ливня.

Люди в штатском переглянулись. Спустя долгое время они услышали голос Сы Сяонаня:

— В армии вашей страны есть элитное подразделение особого назначения, номер 118, в составе которого восемь эскадрилий.

Подумав, человек быстро ответил:

— Хорошо, продолжайте.

<http://bllate.org/book/18107/1738939>